

УДК 271.22(470+571)+322(470+571)

М.Ю. Смирнов

ТЕЗИСЫ К ЗАСЕДАНИЮ НАУЧНОГО СОВЕТА ВЦИОМ: «РПЦ: ВЫЗОВЫ, РАЗЛОМЫ, РИСКИ В НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ»

СМИРНОВ Михаил Юрьевич – д. соц. н., доцент кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mirsnov55@yandex.ru.

- Есть ли основания предполагать, что мы сегодня находимся на рубеже эпох, когда консенсусное и уважительное отношение к церкви сменяется постепенным охлаждением к ней, отчуждением, критикой?¹

Я бы не стал называть это «рубежом эпох», на мой взгляд, точнее будет говорить о «маятниковом движении», когда в константном спектре отношений к религиозным объединениям «маятник» внимания активной части общества сдвинулся в сторону критических оценок поведения некоторых видных служителей культа.

Критика существовала всегда, временами инспирируемая политико-идеологическими обстоятельствами, но, в основе своей, имея действительное расхождение идеального образа (на котором возник, в частности, так называемый «проправославный консенсус») с наличным поведением представителей церковных организаций.

Думаю, что ведущий мотив «охлаждения» и «отчуждения» — разочарование в позиции религиозных организаций, которая не оправдывает общественного запроса на существование «духовного авторитета», независимого от государства, политической конъюнктуры и экономических интересов. От этого происходит, например, часто встречающееся суждение, что «вера (религиозная) — это одно (необходимое и важное), а церковь — совсем другое (податливое соблазнам)».

Такие настроения носят не столько антирелигиозный, сколько антиклерикальный характер. Не случайно в религиозном пространстве современной России обнаруживаются явления так называемой «приватизации веры», «исповедания без принадлежности» и им подобное.

Перемена ситуации в положительную для церкви сторону вполне возможна. Это зависит от степени весомости в церковном сознании понимания катастрофичности утраты общественного доверия, и от понимания, что с упадком этого доверия может начаться необратимая деградация самих церковных организаций.

© Смирнов М.С., 2012

¹ Использованы частично адаптированные установочные вопросы, предложенные для дискуссии на заседании Научного совета ВЦИОМ «РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации» (25 июня 2012).

- Протесты против церкви — это акции маргиналов или символ нового этапа в отношении общества к религии и церкви?

Да, по-своему это новый этап (учитывая предыдущий тезис о «маятниковом движении»). И я не считаю носителей протестных настроений «маргиналами», это как раз наиболее активная часть общества, выражающая массовые умонастроения путём их заострённой артикуляции. Встречающийся радикализм критики, вплоть до каких-то необоснованных обвинений, неизбежен в полемических дискурсах.

Очевидно, что представляемая довольно пёстрым внешне и неоднородным внутренне контингентом критиков протестная реакция стимулируется позицией самих церковных организаций, которые вместо диалога избирают путь порицания и рассчитывают на репрессивную поддержку со стороны государства и охранительно настроенной части общества.

Момент новизны состоит в том, что религиозным организациям предъявляются претензии, главным образом, не по поводу их вероучений и якобы иллюзорного мировоззрения, как это было в прошлом, а по поводу тенденции превратиться в ещё один орган государственного принуждения, с функциями надзора в нерелигиозных сферах (культуры, образования и проч.).

- Как можно оценить вероятность раскола общества по линии отношения к религии, церкви?

Раскол общества по названной линии может случиться, только если продолжится форсированная реанимация «религиозного фактора», которая совершенно не соответствует реальному состоянию религиозных потребностей населения, но активно проводится государственным и церковным руководством, превращая религию в своего рода инструмент «социального конструирования».

«Принудительное благочестие» под эгидой государственно-церковного альянса расходится с базовыми смыслами «жизненного мира» разных слоев общества, которые востребуют религию преимущественно в мистико-сотериологических аспектах, имеющих персональное значение, а не как аналог административных инстанций и транслятор «державной воли». Усугубление профанации религии в деятельности церковных организаций чревато расколами не только на сторонников церкви (традиционалистски настроенных верующих) и её противников, но и внутри самой церковной среды.

- В чем причины недовольства современной ролью церкви?

Наиболее распространенные причины очевидны — недовольство вызывают претензии церковных функционеров фактически стать фигурами влияния в разных областях государственного устройства и общественной жизни. В этих притязаниях усматриваются: опасность возникновения аналога идеологического аппарата КПСС; появление ещё одного слоя «захребетников», дополнительно к существующему чиновничеству. Присутствует также разочарование, вызванное быстрой утратой церковными организациями сакрального образа, их профанация через избыточную мирскую вовлечённость.

- Кто является носителями недовольства, что ими движет, каковы их цели?

«Носители недовольства» представляют совокупно те общественные группы, для которых религия является неприемлемым фактором их повседневности (в деловых занятиях, образовании, потреблении, досуге, быту, семье и вообще в любых социальных практиках). Но это — внутренне очень дифференцированная среда, где существует широкий диапазон мотивов неприятия интеграции религии в государство и общество. Явно выраженных лидирующих когорт здесь пока не просматривается. Скорее, можно говорить об основных поводах, консолидирующих неприятие религиозного присутствия.

Главным поводом надо полагать опасение того самого раскола в обществе, которым чревата форсированная активизация религиозного фактора. Конкретным примером «сопротивления» можно считать ситуацию в образовании — полемику вокруг преподавания ОРКиСЭ и наличные результаты родительского выбора, свидетельствующие о приоритете «совместности» и идеологической нейтральности над конфессиональными предпочтениями. Есть страх, что явное «возвышение» каких-то из существующих в стране религий усугубит межнациональные трения, имеющие этноконфессиональный оттенок. Многие обеспокоены тем, что имущественные интересы религиозных организаций необратимо повредят сохранению памятников общенародного (т. е. консолидирующего нацию) культурно-исторического наследия.

На самые последние места в «протестной мотивации» я бы поставил антирелигиозные мотивы, хотя таковые и встречаются, и межрелигиозную (включая межконфессиональную) конкуренцию.

- Есть ли у этого недовольства идейная, ценностная подоплека?

Этот вопрос перекликается с предыдущим. Но можно добавить, что «ценностной подоплекой» оказывается предпочтение обществом устойчивости и предсказуемости, отсутствия принуждения, свободы духовного самоопределения при ответственности в рамках законов за сделанный выбор.

Парадоксальным образом это совпадает с декларируемой стратегией политико-государственного руководства — курсом на «стабильность». Однако понимание смысла и оснований стабильности расходятся. Диалоговый способ снятия расхождений пока развития не получил, сохраняется конфронтационная модель выяснения отношений.

В этом «смысловом зазоре» религиозные организации, прежде всего РПЦ МП, оказываются перед дилеммой — быть заступниками за народ перед властью или быть заступниками за власть перед народом. К сожалению, чаще выбирается второе.

- Случайно ли хронологическое совпадение активизации недовольства церковью и политических протестов?

Если религиозные организации охотно приняли на себя образ опоры сложившегося уклада власти, то они с неизбежностью попадают «под раздачу» в противостоянии по-разному настроенных политических сил. «Антицерковной» умышленности здесь не вижу.

- Как можно сегодня оценить политическое влияние церкви?

Даже у такой крупной религиозной организации, как РПЦ МП, политическое влияние (имея в виду, что политика — это отношения по поводу власти в экономике, государстве и обществе) минимально. Пока нет весомых показателей, чтобы говорить о его «физическом» нарастании (внешними признаками, вроде общения иерархов с высшим руководством страны, в данном случае можно пренебречь).

От этого у какой-то части священнослужителей существует неудовлетворённость, есть амбиции подлинного присутствия в политической жизни через легитимацию «наставительного» отношения к носителям светской власти.

Вместе с тем, эти властные амбиции находят сочувствие и поддержку у представителей государственной власти всех уровней (федеральных, региональных и муниципальных), поскольку привлечение церковных организаций увеличивает их «административный ресурс».

Так что тенденция к политической вовлеченности церкви существует. В самой церковной среде эта тенденция встречает неоднозначное отношение, имеет место её явное неприятие, но присутствует и вполне прагматическая готовность «сотрудничать и влиять».

- Легитимация политических действий религиозными основаниями — насколько сегодня это актуально, приемлемо и перспективно?

Это не актуально, в свете действительного состояния «запроса на религию» у населения. Но, к сожалению, это вполне возможно. Особенно, если учитывать скудность действенных управленческих средств у руководства страны и ограниченность кругозора значительной части этого руководства. Если легитимация политических действий религиозными основаниями начнет осуществляться в государственном масштабе, то перспективой будет катастрофический подрыв духовного авторитета церковных организаций.

- Кто сегодня выигрывает и кто проигрывает от стратегического союза власти и церкви?

«Проигрывает», если можно так сказать, собственно религиозный авторитет церковных организаций, девальвируется их статус как необходимой инстанции в духовных запросах верующих. Одновременно утрачивается доверие и у нерелигиозной части населения, которая (не разделяя вероучительных смыслов) признавала за церковными организациями роль неангажированной моральной силы и испытывает разочарование от их явной профанации.

«Выигрывают» управленческие и вообще административные группы обеих сторон, получая от «союза» дополнительный ресурс влияния и закрепления своего руководящего статуса.

- Каковы возможности для других христианских конфессий расширить свое влияние в России с учетом неприятия частью общества политической позиции РПЦ?

Возможности есть, теоретически, почти у всех, но намерения их использовать обнаруживают, в основном, протестанты поздних формаций — адвентисты седьмого дня, пятидесятнические деноминации, а также «параллельные» объединения протестантского происхождения — свидетели Иеговы, ЦИХСПД (мормоны). Обращает на себя внимание

феномен «русского протестантизма» (баптизм, евангельское христианство), изыскивающий свои истоки в народном христианском разномыслии и богоискании. Однако всем этим сообществам присуща известная осмотрительность и относительно реалистичное представление о своем действительном положении. Протестанты «классического» типа — лютеранские и реформатские объединения, особой активностью в социальном пространстве не отличаются. Аналогично, невысок уровень социального присутствия католиков (латинского обряда). Старообрядческие объединения также в массе своей не претендуют на особый социально-политический статус. Наибольшей активностью отличаются сообщества так называемого «альтернативного православия», пребывающие в независимой от РПЦ МП юрисдикции, но они невелики и малозаметны.

При сложных, временами конфликтных, отношениях с РПЦ МП большинство других объединений христианской принадлежности не стремятся занять её место, осознавая преобладание рисков над какими-то выгодами.

В то же время, сложившийся в России религиозный плюрализм создал конкуренцию на «рынке духовных товаров народного потребления», и здесь разные христианские конфессии имеют неплохие шансы обрести новых потребителей своих специфических духовных услуг населению, хотя их положение временами вызывает ассоциацию со взаимоотношениями малого бизнеса и рыночных монополистов.